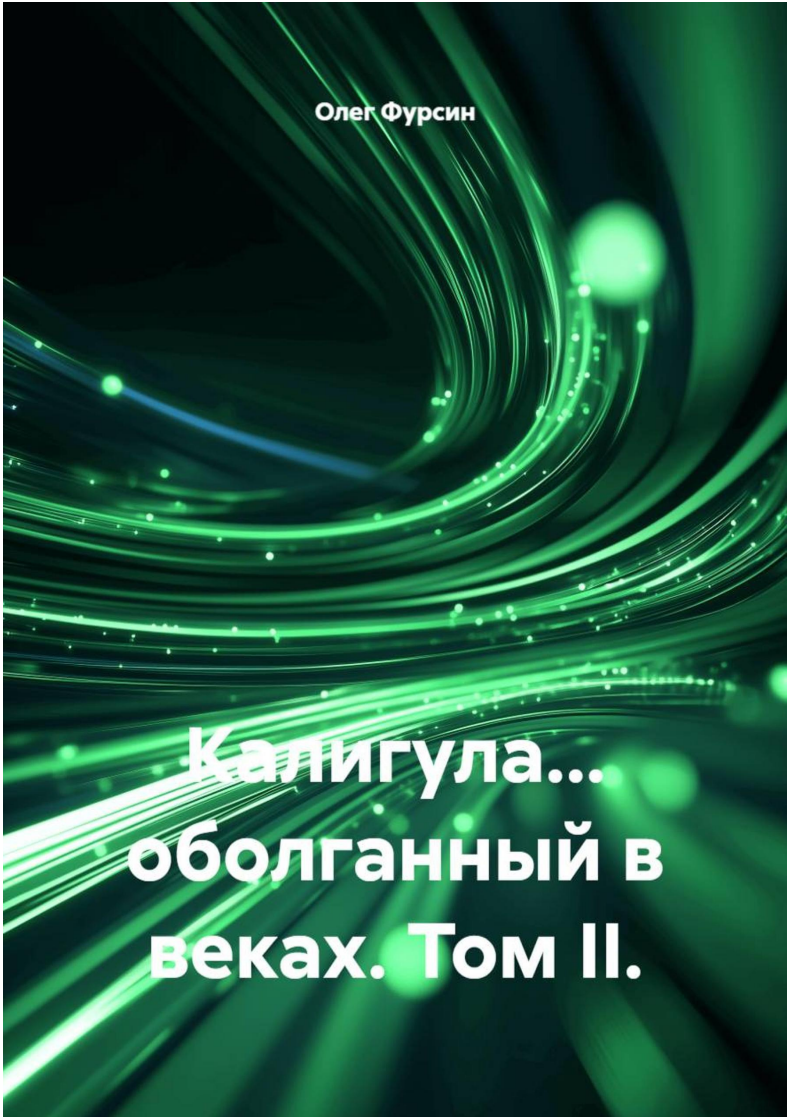

Олег Фурсин
Калигула... оболганный в веках. Том II.

Олег Фурсин

Калигула... оболганный в веках. Том II.

https://litres.ru/74728658
SelfPub; 2026

Аннотация

Перед Вами второй том романа "Калигула... оболганный в веках".

Император Тиберий погибает. Это дар судьбы, но не только. Старик заболевает, что естественно; однако смерть его отнюдь не естественна. Помогает Тиберию уйти из жизни глава преторианской гвардии Невий Серторий Макрон.

Калигула - принцепс, он обрел империй. Он строит, он созидает, он раздает деньги, дарит вольности, возвращает из ссылок.

И, однако, судьба по-прежнему его не щадит. Умирает бабушка Антония, несравненная и мудрая советчица в делах. Калигула заболевает тем, что в его времена называлось «мозговой горячкой» (наиболее вероятен клещевой энцефалит, затем его хроническая форма). Вся страна в слезах и молитвах: закалываются жертвенные животные, даются обещания в храмы сражаться за императора в качестве легионера или гладиатора, умереть за него. Принцепс выживает. Но и только...

Судьба Калигулы - это история, по сравнению с которой история Гамлета, принца датского, просто веселенький водевиль.

Содержание

Предыстория. 5
Глава 1. Смерть Тиберия. 22
Глава 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Олег Фурсин
Калигула... оболганный в веках. Том II.

Предыстория.

Перед Вами второй том книги. В ней описаны события правления Калигулы 37-41 гг. н.э.

После смерти (естественной или убийства) императора Тиберия в марте 37 года Калигула был провозглашён императором при поддержке префекта преторианцев Макрона. Сенат официально наделил его ключевыми титулами и полномочиями.

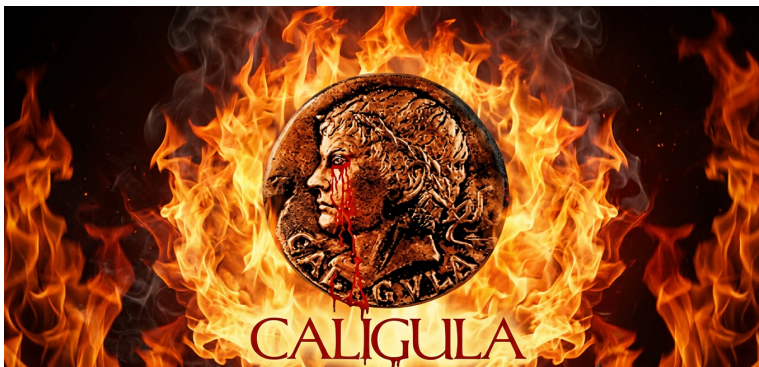
Если Вы полагаете, что герой этой книги настоящее чудовище, которое казнит без разбора правых и виноватых, время проводит в бесконечных оргиях, устраивает своему любимому коню Быстроногому великолепную конюшню непосредственно в Сенате, то Вы ошибаетесь.

Авторы романа «Калигула», Фурсин О.П., Какабадзе М.О., приносят Вам свои искренние извинения. Ничего этого в книге, которая перед Вами, нет.

Зато есть в ней Тевтобургский лес, в котором малыш Калигула переживает глубочайшую трагедию своего народа. Есть арены, на которых будущий цезарь рискует жизнью, сражаясь с собственной трусостью. Есть его непролитые слезы о семье, которую уничтожили: отец отравлен, мать и братья уморены голодом или предпочли нож позорной казни. Есть трагедия человека, который тяжко болен. Есть его любовь, неразделенная, но при этом обоюдная; не спрашивайте, как это возможно, читайте! Есть знаменитый «удар Германика», которым убивает цезарь.

И об этом Вы уже узнали прочитав первый том. А дальше...

Есть любовь к Риму, есть великие дела, которые свершены во славу отечества. Есть все, чтобы понять: это была короткая, трудная, но яркая жизнь, от колыбели до последнего удара мечом. История принца датского в сравнении с реальной историей Калигулы – просто весёлыйводевиль. И после смерти императору не довелось обрести покой; его оболгали. Кто и зачем это сделал? Обо всем этом – на страницах книги.

Тиберий погибает. Это дар судьбы, но не только. Старик заболевает, что естественно; однако смерть его отнюдь не естественна. Помогает Тиберию уйти из жизни глава преторианской гвардии Невий Серторий Макрон. Он душит Тиберия; Калигула свидетель убийства, и вновь молчаливый свидетель. Макрона, также как и его жену, Эннию Невию, он ненавидит. И это несмотря на то, что Энния стала его любовницей. Эта пара подбирается к Калигуле давно. Ясно, что у них собственная цель, и состоит она в том, чтобы приблизиться к власти через Калигулу. Энния на самом деле совратила Калигулу: забыть обстоятельства их первой близости он не в силах. Это произошло на могиле первой жены Калигулы, которая погибла в родах. И вот теперь он обязан Макрону не только тем, что они разделяют одну женщину на двоих,

но и тем, что пришел к власти.

Калигула - принцепс, он обрел империй. Он строит, он созидает, он раздает деньги, дарит вольности, возвращает из ссылок.

И, однако, судьба по-прежнему его не щадит. Умирает бабушка Антония, несравненная и мудрая советчица в делах. Калигула заболевает тем, что в его времена называлось «мозговой горячкой» (наиболее вероятен клещевой энцефалит, затем его хроническая форма). Вся страна в слезах и молитвах: закалываются жертвенные животные, даются обещания в храмы сражаться за императора в качестве легионера или гладиатора, умереть за него. Принцепс выживает. Но и только. Теперь у него судорожные припадки, постоянные головные боли, расстройства походки. Теперь он подозрителен и ревнив. Теперь он мстителен. Великий понтифик Рима, то есть первый жрец страны, равнодушно читает нужные формулы обречения на смерть тем людям, которые клялись умереть во имя его выздоровления.

Он повинен в смерти внука Тиберия, молодого Тиберия Гемелла. Он расправляется с Невием Серторием Макроном и его женой. Он принуждает к смерти бывшего тестя, Марка Силана.

После смерти Друзиллы Калигула теряет вкус к жизни. Он еще молод, но отчаяние и болезнь, постоянные спутники его жизни, подтачивают силы, губят. Его часто посещают видения; ушедшие родные и близкие водят вокруг больного

хороводы смерти. Мольбы бессмысленны, просьбы не будут услышаны.

Есть еще долг. Долг побуждает к жизни. Калигула сражается в Германии. Калигула возвращает орла последнего из легионов, погибших в Тевтобургском лесу. Затевает вместе с дядей поход в Британию.

Женщина, которую он все же встретил после смерти Друзиллы, пусть и не любима им также горячо, как сестра, но дарит ему покой душевный и ласку. Она и мать, и сестра, и подруга. В конце концов, она разрешается от бремени его ребенком, девочкой; это побуждает Калигулу жениться на Милонии Цезонии. Калигула обожает дочь, названную им Юлией Друзиллой.

Противостояние сената и императора достигает апогея. Оно присутствовало все время правления Калигулы, неполные четыре года его власти. И разрешается смертью Калигулы от ударов мечей убийц. Погибает жена, погибает годовалая дочь. Оплакать их смерть некому. Рим приветствует нового властителя, поднимает его на щиты преторианской гвардии. Лишь дурачок императора, Порциус, чтобы вернуть к жизни Калигулу, готов расстаться даже с полбенной кашей, составляющей смысл его существования: он вечно голоден...

Историю в том виде, в котором она ныне преподносится, от школьного уровня до академического, наукой назвать можно только условно. Официальная история - не наука. Это либо приближенный к истине пересказ событий, - то, что

на самом деле есть лишь историография, описательная история, опирающаяся порой на факты, порой на обычные сплетни. Либо прямая ложь, фальсификация. Иногда - взгляд заинтересованный, под который подводится нужная идеология.

Перед нами как перед исследователями, как перед литераторами, пишущими на историческую тему, в связи со всем вышеперечисленным, встал ряд задач, весьма непростых для решения. Это предисловие к книге - именно о том, как они решались нами.

Наша трилогия ставит перед собой цель рассказать о зарождении, развитии и становлении христианства как религии. Это существенный промежуток времени, это значительное количество героев, в истории весьма известных. Римские императоры династии Юлиев - Клавдиев имеют прямое отношение к названной теме. При Тиберии жил Иисус, при Калигуле и Клавдии христианство давало первые ростки, а по нашим представлениям, и зародилось при прямом участии Клавдия; при Нероне училось сопротивлению, росло и ширилось. Оно неотделимо от Рима. И от политики властителей, от того, как вершили они судьбы мира.

Поначалу Калигула виделся нам героем «проходным». Рассказать о нем следовало, но прямого и непосредственного участия в формировании христианства как мировой религии он не принимал, новым учением не интересовался, не помогал и не препятствовал.

Но по мере накопления сведений наше отношение к этому человеку как к «проходному» потерялось. Мы вступили с героем в фазу личного знакомства. А личное знакомство предполагает и личностное отношение к фигуре. И, вопреки мнению большинства, мы обнаружили массу фактов «за», отбросили массу фактов «против»; более того, мы полюбили своего героя, прямого отношения к теме нашей трилогии не имеющего. Судьба Калигулы - это история, по сравнению с которой история Гамлета, принца датского, просто веселенький водевиль.

Так и получилось, что основную книгу мы продолжаем писать, и главы, посвященные Калигуле, в нее войдут. Но, вместе с тем, созрело решение опубликовать эти главы отдельной книгой. Как дань герою, не оставившему нас равнодушными. Как дань человеку, которого человечество незаслуженно оболгало. Чье имя стало символом зла, как и имя Ирода Великого. Не в первый раз выступаем мы, таким образом, «адвокатом дьявола». Об истинном, не мифическом лице Ирода Великого мы писали в первой части трилогии, в «Барнаше».

«Человека, умеющего наблюдать и анализировать, обмануть просто невозможно. Его выводы будут безошибочны, как теоремы Евклида». И еще из Конан Дойла: «По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни

другого, и никогда о них не слыхал».

Дедукция привнесена в историческую науку Львом Гумилевым, которого мы считаем своим учителем, человеком, с нашей точки зрения, сделавшим историю наукой. По мере своих возможностей, руководствуясь его теорией, мы «выплывали» из океана реальных фактов, выдумок и сплетен, предложенных нам историческими источниками.

Очень образно ученый говорил о проблемах сбора и обработки исторической информации. «Если просто собрать сведения из разных источников, то они чаще всего противоречат друг другу. Если же отобрать только те, которые между собой согласуются, то они рассыпаются, как стальные шарики, сложенные в виде пирамиды. Надо бы их скрепить, сцементировать, да нечем!». Поэтому, считал он, необходим анализ, который целесообразно проводить путем синхронистического подбора фактов. Такой подбор помогает обнаружить преувеличения и недомолвки источников, а также «белые пятна» в общей картине. Затем предлагал заполнять «белые пятна» собственными выводами, восполняющими причинно-следственные связи. Первоначальная канва событий, полученная из источников, будет воссоздана ими. Гумилев рисовал графики, он создавал синхронистические таблицы.

Перед нами попытка внесения логики и математики в историю. Это великий шаг. По отношению к естественным наукам Кант отмечал, что в каждой из них столько же науки,

сколько математики. Что же касается истории, то она веками обходилась без математики вообще. Лишь историческая хронология пользовалась цифрами, чаще верными, а зачастую забытыми или намеренно подтасованными. Поэтому хронология, как список цифр, без обнаружения связей множества фактов с другими, оказывалась абсолютно беспомощна. Каждый факт требует нахождения его места в цепи событий, а далее и сверки с хронологической таблицей. Именно тогда можно говорить о науке - истории, а прочее, т. е. историография, - подсобное и не всегда нужное занятие.

«Один сенатор», «один всадник», без имени - таковы обычно описания людей, которые погибают вследствие приказов Калигулы и его козней в ряде документов о той эпохе. И говорится о множестве казней среди римской знати.

Однако давайте обратимся к фактам. Списки сенаторов той эпохи имеют место быть, сохранились. А ведь это и есть представители римской знати! Самые что ни на есть! Если их казнили, то, каким же образом они продолжали занимать свои должности из года в год?

Болгарский режиссер Яров Гырдев, тот, кто ставил «Калигулу» Камю с французским театром «Роза ветров» в Лиле, утверждает, руководствуясь документами, что за четырехлетие правления Гая по его приказу были казнены 26–28 человек. Этот факт, возможно, не красит Гая Августа Цезаря Германика. Но говорит о том, что он был цезарем в Риме весьма милостивым! Учитывая число заговоров, против него

составленных.

Мы старались следовать принципам Льва Гумилева в своей работе. Мы занимались математикой, пусть в самом скромном ее выражении. Искали логические решения в соответствии с методом дедукции, не забывая и индукцию. Мы старались внести принцип стереоскопии в свое исследование. Смотрели и «из мышиной норы», и «с высоты кургана», старались разглядеть что-либо «с высоты птичьего полета», насколько позволяло нам наше знание истории. Соглашались с ученым в том, что каждый из этих трех взглядов имеет право на существование и правдив. Но вид-то разный! И оценка событий, следовательно, разная. А вот выводы должны быть синтетическими. Мы пытались это сделать.

Стереоскопический способ рассматривания истории, предложенный Гумилевым, использовался нами на уровне четвертого - пятого приближений.

Образно говоря, первое приближение - это взгляд с «высоты птичьего полета», когда окидывается взором весь период существования человечества. На этом уровне видны очень крупные процессы, глобальные - смена формаций, демографический рост населения, технический прогресс.

Если говорить о втором приближении, то это виток длиной около 5 тыс. лет. Это те самые исторические культуры, которые то и дело сменяют друг друга, веками сосуществуя на поверхности планеты Земля. Так, заря Эллады совпала с закатом Египта и началом упадка могущества Ассирийского

царства и Вавилонии.

В третьем приближении видим только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость. Перед нами предстанет картина социальной борьбы. В древнем Риме шла борьба патрициев и плебеев, затем - оптиматов и популяров, потом - сената и легионеров.

Принцип понятен. Тогда четвертое и пятые приближения с помощью «историоскопа» (по Гумилеву), воображаемого, конечно, для литератора представляет собой особый интерес. Можно увидеть отдельную эпоху. В которой нет места существенной смене формаций, не заметен явно демографический рост населения. То есть глобальные общие ритмы истории уже не так очевидны, как на большом временном участке, с «высоты птичьего полета». Зато отчетливы и выпуклы, как отмечал Гумилев, характеры и судьбы отдельных людей. Историк может говорить о необузданности Мария, железной воле Суллы, легкомыслии Помпея, предусмотрительности Цезаря, влюбчивости Антония и расчетливости Октавиана. Все это - до Калигулы. А после он станет говорить, наверно, о неразборчивости Агриппины Младшей. О жестокости Нерона. О том, что горе от ума сгубило Клавдия. О предательстве Сенеки.

Пятый уровень приближения, по Гумилеву, «при котором в поле зрения оказывается один человек. Если этот человек Пушкин - возникнет пушкиноведение, если Шекспир - шекспирология. Но здесь история смыкается с биографи-

ческим жанром и перестает быть сама собой. Шкала историоскопа исчерпана». О Калигуле мы говорили на этом последнем уровне шкалы.

Почему мы говорим о предательстве Сенеки?

Предметом пристального нашего внимания были документы эпохи, касающиеся Рима. И тут ряд иллюзий наших развеялся. Мы были вынуждены признать, например, что весьма ценимый нами до сегодняшних дней Гай Светоний Транквилл, - историограф, но не историк, причем не самый добросовестный. Истина и ложь часто бывают смешаны в рассказе, все дело в пропорциях; а у Светония они явно смещены в сторону сплетен и прямых инсинуаций. Недаром зовут этого автора отцом «желтой прессы» своего времени. И это не самое еще страшное деяние.

Вот Луций Анней Сенека, философ-стоик, политический деятель, писатель - блестящий фальсификатор истории. Несмотря на то, что трудов исторических он не оставил. Ведь история как наука слагается из двух составляющих: из самого процесса движения во времени и описания этого процесса. Сенека вмешивался в сам процесс движения, настолько активно, насколько позволяли ему немалые возможности. Заметим, что в первую очередь Сенеке обязаны мы значительной переделкой истории первого века нашей эры.

Автор «Нравственных писем к Луцилию» был непростым человеком. Во многих энциклопедиях можно прочесть о том, что Сенека-де был идеологом сенатской оппозиции дес-

потическим тенденциям первых римских императоров, борцом с абсолютизацией власти. Но факты говорят об обратном.

При малолетнем воспитаннике своем, Нероне, был единственным фактическим властителем Рима на протяжении семи лет. Владел немыслимым состоянием: триста миллионов сестерциев. Был консулом. И это человек, который утверждал:

«Пусть привлекают других и война, и курульные кресла, Все, что лелеет в себе тщетную радость свою. Почестей я не ищу; быть бы частью народа простого И до последнего дня днями своими владеть».

Потом оперился его воспитанник. Воспитанник, которого хорошо учил Сенека, оказался прекрасным учеником. К власти его тянуло не меньше, чем воспитателя. Поступки воспитанника вызывали недоумение и ужас в Риме.

«Высоконравственный» учитель, философ-стоик, оказался обыкновенным трусом; когда его косвенно заставили поучаствовать в убийстве его высокой покровительницы, Агриппины, любовником которой он был - он поучаствовал! И лично писал позорное письмо императора в сенат, оправдывающее сей поступок. Трудно представить себе более «нравственное поведение» философа-стоика.

Говорят, Сенека оставил все свое состояние Нерону, удалился от дел в знак протеста. А что же ему оставалось?! Все равно бы отняли, он своего воспитанника знал лучше, чем

кто-либо другой. Это была попытка откупиться, которая не удалась.

Смерть Сенеки, на наш взгляд, это не что иное, как восторжествовавшая справедливость. Стоик долго шел на поводу у собственной трусости, потворствуя выходкам Нерона, идя на непозволительный компромисс. И стал жертвой этой самой трусости. Зная Нерона, трудно предположить, что он убил в Сенеке свою совесть, как трактуют это многие историки. Убивать-то и нечего было тому, кто так спокойно расправился с собственной матерью. В полной мере перенял воспитанник от воспитателя умение лицедействовать; способность говорить о высоком, творя низкое.

Мы нашли ряд фактов, которые позволяют сделать логичное предположение: Луций Анней Сенека был отцом Нерона, или предполагал, что мог им быть. Об этом - в следующей книге.

А вот о том, что заставило Сенеку расправиться с историей своего века, следует написать уже сейчас.

Личные взаимоотношения с императором Клавдием складывались у него весьма непросто. В самом начале правления Клавдия за дворцовую интригу был отправлен Сенека в ссылку на Корсику, на восемь лет. В числе прочих обвинений было обвинение в любовной связи с Агриппиной, матерью Нерона. Она только вернулась из ссылки, куда отправил ее Калигула; была возвращена дядей, Клавдием. К Сенеке новоявленный император отнесся, как видим, менее благо-

склонно.

Но даже не эта ссылка, весьма болезненная для Сенеки, основная причина его ненависти к Клавдию. Руководствовался философ и завистью человека небесталанного к человеку безмерно талантливому.

Сам он, Сенека, из всадников, Клавдий - урожденный патриций. Сам он из Кордобы, покоренной римлянами, Клавдий из сабинян, которые стояли у истоков создания Рима. Клавдий великий историк, Сенека ею не владеет, его стезя - малые формы. Клавдий у власти, которая принадлежит ему по крови, Сенека к ней только прилипнуть пытается, через Агриппину, женщину; через продажный сенат. Клавдий успешный полководец, Клавдий покоритель Британии, что не удалось даже Цезарю и Октавиану, он прекрасный политик, Клавдий знает языки, Клавдий владеет логикой и математикой так, что выстраивает теорию игр. Клавдий занимается орфографией, он лично тушит пожары, он женится на Агриппине, к которой неравнодушен Сенека.

Просто Моцарт и Сальери по Пушкину! И стоик не устоял! Только в руках у Сальери был лишь яд. А возможности Сенеки после смерти императора Клавдия были не ограничены, как говорилось выше. Он сделал все, чтоб вычеркнуть из истории Клавдия.

Книги Клавдия уничтожаются, его нововведения предаются забвению. Его памятники разрушаются. Даже монеты с его изображением переплавляются. Его имя осмеивается.

Его деяния оплевываются. И вот, один из самых великих властителей Рима действительно вычеркнут из истории.

Что же касается Калигулы, он вовсе не был основной мишенью Луция Аннея Сенеки. Просто он был племянником Клавдия. Просто являл собой полную противоположность воспитаннику последнего. Философ поступал как некоторые недалекие родители, оправдывающие таким образом свое дитя, что бы оно ни делало: «Мой еще не самый плохой! Вы посмотрите, что другие-то вытворяют!». И старался, описывал то, что было и чего не случалось. Оправдать Нерона, очернить Калигулу, вот в чем видел свою задачу Сенека. Говоря словами профессора Энтони Баррета:

«Образ Калигулы как чудовища сложился уже ПОСЛЕ его правления и стал следствием идеологических интервенций».

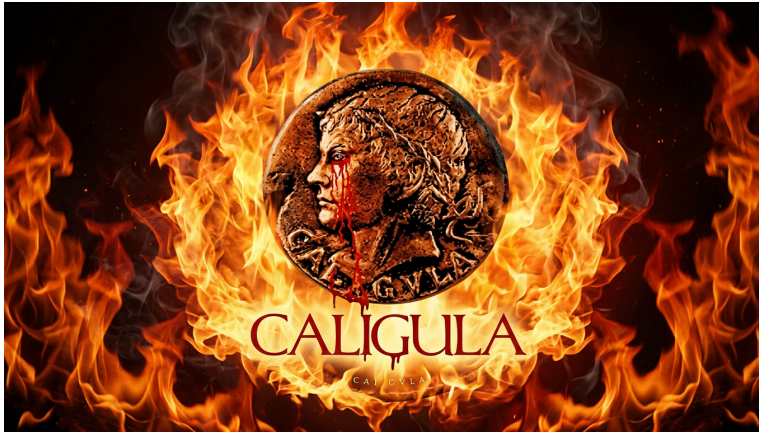
Историческая наука, как любая другая, опирается на факты. Только здесь факты извлекаются из исторических источников. Тонкости перевода, тонкости отношения пишущего к описываемым событиям, стремление подвести под определенную идеологию: сколько препятствий к тому, чтоб факт предстал только фактом! Голым, не трактуемым вкось и вкривь. Как писал об этом Гумилев:

«В каких бы выражениях ни было сказано о поражении, допустим, русских на реке Калке - факт не изменится и убитые князья не воскреснут. Для нашего анализа достаточно такого перевода и даже следует ограничиться именно им, чтобы иметь возможность взвесить все pro et contra бес-

пристрастно».

В ходе работы над своей книгой мы тщательно собирали подобные «голые» факты; накапливали, сверяли по источникам. И на основании таких фактов строили предположения. Да, они не совпадают с общепринятыми, зато укладываются в канву событий, описанных историками, зато они логичны. Потом прибегли к литературному описанию того, КАК это могло быть на самом деле. На нынешнем уровне наших знаний, теперь, когда мы прожили с Калигулой всю его жизнь, от колыбели до последнего удара мечом, нам не страшно спорить с такими авторитетами, как историк Светоний или литератор Камю.

Что из этого получилось, - судить вам, дорогие читатели...

Глава 1. Смерть Тиберия.

Летний лагерь представлял собой небольших размеров крепость, окруженную высокой бревенчатой стеной. По откидному мосту, протянутому через ров, прошли император со свитой в пределы лагеря. Внутри все обустроено просто, собственно, ничего иного и не предполагалось. Сторожевые вышки у стен. Загон для лошадей, псарня. Значительное пространство прямоугольной формы, тщательно разровненное землемерами, даже с насыпным грунтом, место солдатских тренировок. Открытая арена, находящаяся в низине.

Вокруг арены двухъярусная скамья, высоко над песком.

Императорское место, за неимением других отличий, украсили покрывалами, приподняв несколько над общим уровнем. Что ж, это понятно, лагерь легиона в Цирцее не каждый день принимает таких гостей. Здесь все скромно, и нынешнее счастливое исключение не повод для перемен, во всяком случае, перемен серьезных.

Напротив арены, на холме, расположена деревянная крепость, усиленно охраняемая ветеранами, место, где обитают легат, трибуны и префект легиона во время пребывания в лагере. Все остальные строения из дерна и земли, с небольшим вкраплением бревен. Понятно, это места проживания легионеров.

Предполагались игры, обычное развлечение легиона, оно же и учение. И каприотам было продемонстрировано все: упражнения с тренировочным оружием, более тяжелым и громоздким, чем боевое, бег, прыжки, плавание. Все под руководством суровых и безжалостных ветеранов. Они не учли отсутствие терпения у императора, они этим пренебрегли. Отослали легионеров на марш с полной выкладкой, а в конце его еще продемонстрировали на Стуре, катящей воды к морю, способность легиона к форсированию водной преграды…

Тиберий, куда более по нынешним временам требовательный к преторианской гвардии, его охранявшей, чем к легионам, Тиберий, еще с молодости утомленный всем этим до-

нельзя и давно прекративший всякого рода походы, откровенно скучал.

Не то Калигула: он, наконец, отвлекся от мыслей о Риме и Друзилле. Он смотрел на действо с огромным удовольствием. Ему хотелось пробежаться с легионерами, он примерял себя самого к каждому прыжку и броску.

Наконец прервали учения, перешли к части развлекательной. И тут оказалось, что для каприотов приготовлены сюрпризы.

Один из этих сюрпризов предполагал участие в играх кого-либо из высоких гостей. По собственному желанию.

И вот, выпустили на огороженную арену мощного кабана. Огромный кабан, со страшными клыками. Морда, хвост, нижняя часть ног и копыта-черные. Сам черно-бурого цвета.

- Это одинец**[1]**, - заметил легат Тиберию. Старый секач. Ох, и намучились мы с ним, пока выловили. Два легионера с ранами, он их своими клыками порвал. Харикл уж с ними, счастье, что он сегодня здесь. Ветераны тоже умеют лечить раны, но кто же не знает, что Харикл - лучший, Асклепий к нему благосклонен.

Легат бросил взгляд на Тиберия, несколько заискивающий. В конце концов, Харикл вольноотпущенник, может идти куда угодно, лечить кого угодно. Но он императорский вольноотпущенник, он лекарь самого императора, и Тиберий может быть недоволен.

Тиберий, может, и был недоволен. Только у Харикла свои

резоны. Его в клетку не посадишь. Он из рабов, которые и рабами-то были несговорчивыми, а уж либертами и вовсе свободными. Он сам по себе драгоценность, ум и знания делают его бесценным. И Харикл это осознает, этим пользуется.

Заметив, что Тиберий поморщился, заторопился легат говорить дальше.

Лучше про кабана, чем про Харикла.

- Его на лугах схватили, на заливных. Рыба нынче икру там мечет, так он лакомился. Три ночи поджидали.

- Старый, верно, - откликнулся вдруг Калигула.

Глаза его горели. Он сидел справа от императора, пожелавшего видеть наследника рядом на играх. Да что там на играх, он в последнее время внука вообще не отпускал почти. Они вдвоем ждали, по-видимому, мгновения, когда Калигула сорвется и выплеснет накопившуюся ненависть. И тогда все кончится, только для них по-разному.

Но не в это мгновение должно было все случиться. Поскольку Калигула, почуявший охоту, был почти счастлив. И прощал миру все на данный миг жизни. И Тиберию тоже.

- С чего ты взял, что так? - спросил его Тиберий. Чувствовалось, что император недоволен.

Но Калигула этого не заметил. Он весь был там, на арене, где секач буравил землю клыками. Глаза животного налились кровью, кабан являл собой воплощение опасности. В жилах Калигулы закипала кровь от азарта. Он переводил

глаза с кабана на дротики, лежащие у ног императора. Когда бы ни привычная осторожность, закаленная в каждодневных столкновениях, он схватил бы дротик и метнул его…

Чтобы удержаться, он ответил императору, которому и без того следовало бы уже ответить, а не сжимать кулаки от нетерпения и кусать губы.

- У старых секачей на спине и по бокам что-то вроде брони. Из смеси смолы с шерстью. Калкан вещь необходимая, когда секачи сражаются за самку, предохраняет бока от ударов клыков. А то была бы рваная рана. Лечить-то их некому, среди кабанов Хариклов не встречается.

Последнюю фразу произнес Калигула явно неприязненно, глядя на императора с плохо скрываемой ненавистью. Но ненависть в глазах в мгновение ока сменилась безразличием. Как всегда. И наследник произнес уже ровно, без всякого особого выражения:

= Сейчас не время гона, но у этого и сейчас калкан выраженный. Старый он.

- Умен ты, я погляжу, - сказал император. Все о лесах германских скучаешь. Ну-ну…

И Тиберий дал знак, чтоб подали дротик. Выражение лица императора навевало неприятные мысли. Калигула постарался их отогнать. Стремясь задобрить Тиберия, добавил быстро:

- В голову, под ухо, в шею, под лопатку. С животом пробитым он уходит. В лесу пропадет для охотника в таком слу-

чае, живуч, такой удар считается промахом. Если перебить спину, упадет, не встанет уж. Хороший удар.

Тиберий только крякнул. И означало это: учить меня вздумал, мальчишка, щенок!Размахнувшись широко, метнул император дротик.

Прыжок кабана, уловившего движение, был чудовищен. Прыгни он так в высоту через загородку, был бы на скамье уж, где устроились зрители. Заметался, забегал секач по арене. Визг, хрип. Куда не ткнешься, ограда. А на арену летят дротики один за другим…

Животное вроде довольно грузное, но бегает быстро. Мелькает в глазах у императора бурое что-то. Мелькает в глазах у кабана песок арены да ненавистная ограда. И свист возле уха от летящего дротика: опасность!В какое-то мгновение не рассчитал Тиберий силы удара. Чуть не снесло императора со скамьи.

Вскрикнул он от боли и схватился за бок. Побледнел, ни вздохнуть ему, ни выдохнуть, холодный пот выступил на висках и на лбу.

Поднялся гвалт на скамьях. Побежали люди за Хариклом.

Не утерпел Калигула. Как во сне, не осознавая, что и зачем делает, не глядя на императора, поднял дротик. Из той кучи, что свалена была у ног императора. Взмах. Засвистело в воздухе оружие. Раздался визг, на арену, заливаясь кровью, упал кабан. Дротик перебил позвоночник. Все. Теперь только добить. И на костер, на костер секача. А потом вон-

зать зубы в мясо, разрывать, удовлетворенно причмокивая. Ничто не может сравниться с этим удовольствием.

Обернувшись, поймал наследник взгляд императора, полусидевшего, полулежавшего на скамье. В объятиях сенатора, одного из лизоблюдов. Ненависть во взгляде Тиберия. Такая же, которой полон он сам, Калигула. Нет сил у Тиберия, чтоб сказать что-то или крикнуть. Но ненависть говорит сама за себя.

Харикл, примчавшийся на зов, стал ощупывать императора, ища источник боли. Тиберий не давал притронуться к правому боку.

- Возможно, сломано ребро, - сделал вывод Харикл.

Игры прервали. Императора повезли на виллу, стараясь носилки не раскачивать.

Харикл суетился вновь. Перевязали императора, дали маковый настой. Полегчало, он даже поспал немного, суетный старик. А проснувшись, велел начинать застолье. Что же не погулять, если исчезла боль, дыхание восстановилось. Зачем давать повод к мыслям о том, что не вечен Тиберий? За подобными мыслями многое еще прослеживается. Коли смертен, так можно поторопить. Коли смертен, так можно ждать иных времен и иного правления. Еще чего! Вольнодумства он не потерпит. Пусть знают, что долог еще его век, успеет он сомкнуть пальцы вокруг любого горла.

Вот, здесь, в Цирцеях, Тиберий гостит на вилле Цицеро-

на. Впрочем, что там гостит, давно уж вилла его собственная, императорская. Еще Август ее отбирал. А хозяина убил Марк Антоний. И правильно. Тиберий тоже убивал. Таких, как Цицерон. Много их, горластых. Пусть знают, что власть не дремлет. Пусть знают, что отбрасывая тень на солнце, рискуют быть поглощенными. Тенью.

И понеслось: яйца, капуста, артишоки. Макрель, морские скаты, сельдь, камбала и крабы, устрицы и щука. Это на закуску. А дальше - искусно зажаренные голуби и воробьи, жаворонки, фазаны, дрозды, перепела. И все это изрядно сдобрено перцем, пипулом, кубебом, корицей, циннамоном. Кассией, гвоздикой, имбирем, асафетидой, шафраном, либанотисом, сумахом, миртовою ягодой. Все под смолой с чесночным вкусом и едким запахом, называемой «laser»**[2]**, или с добавкой гарума**[3]**с его острым запахом. И вино, красное. А потом бисквиты, и еще глобули**[4]**с медом и маком. И снова вино.

Харикл возмущался, Харикл поминал диетологию. Казалось, готов был выцарапать кусок из горла императора, каждый кусок. Лекаря трясло от ужаса. Он пытался подойти к Тиберию, посмотреть биение крови. Тиберий отталкивал либерта, руки не давал. Лицо его покраснело, глаза потеряли белизну по краю, алели, под стать лицу. Старик был страшен. Но проводил гостей, стоя посреди триклиния, как полагалось, с ликтором за спиною, прощаясь с каждым по его имени. И лишь потом упал на руки Хариклу, прорычав:

«Лечи! Лечи, ублюдок! Теперь лечи, раб и сын раба, теперь!»…

А «теперь», пожалуй, уж было поздно!

Задыхаясь, кашляя, жалуясь на боль в боку, старик все требовал одного: на Капри! На Капри, где вылечит его запах распаренных на солнце сосен. Аромат садов Августа…если не этот воздух, то какой же вообще поможет раздышаться?

И императорская процессия двинулась, никто перечить Тиберию не посмел. В Мизенах лишь, на вилле Лукулла, остановились, покинув Цирцей. Пока принцепс настаивал, требовал, кричал, ехали. Как стал старик терять сознание от слабости, потерял голос от нее же, досадной, так и рискнули остановиться на ночлег. Харикл боялся, что не довезет своего больного. Он же, по сути, и отдал приказ остановиться.

- Мне все равно, что император. Мне все равно, что приказано. Этак приказывать скоро станет некому…

Может, и хотелось этого многим. Но Харикла, исполняющего долг, не смогли переспорить. Осилить Харикла не могли. Да и боялись: и смерти, и выздоровления императора. Пожалуй, равно боялись. Все было страшно.

И вот, на вилле Лукулла на Мизенском мысу, на вилле чудака, богача, обжоры, любителя изящных искусств и женщин, умирал теперь всемогущий старик с Капри. На закате первого дня, когда он очнулся в своей постели, обвел глазами атриум, и разглядел Калигулу, и Невия Сертория Макрона, подчеркнуто рядом с наследником стоящего, он сказал:

- Преторианец, ты смешон. Не любишь закатов? Всегда рядом с солнцем восходящим? Или уж с тем, что в зените. Никак ни с тем, что в закате.

- Государь, никто из нас не готов встретиться с рассветом, - заюлил, забился было в объяснениях Макрон.

Но Тиберий заставил замолчать его мановением руки. Долго смотрел на Гая, замечено было, что снял было с руки свой перстень-печатку с кроваво-красным рубином, словно собираясь отдать. Переводил глаза с Гая на перстень. Вздохнул потом, снова надел на палец.

- Лекарь, сын раба, отчего не помогает твой настой? И почему нет астролога тут? Что говорит Фрассил о моем здоровье? Рано мне умирать, он еще жив. И год в придачу, не так ли? Если умрет астролог, у меня будет целый год. Позвать мне Фрассилла!

Совершенно серого, содрогающегося от ужаса астролога приволокли к постели императора. Но тот впал в забытье, приказ о смерти не был отдан. Взашей вытолкали. Выбросились порога, сказали: жди! А чего ждать? Смерти?! Не было человека, который бы так горячо молил о смерти всех богов, как Фрассил. Только не о своей, конечно, о тибериевой…

Боги были благосклонны к Фрасиллу. Тиберий еще несколько раз приходил в себя, вновь уходил в забытье. Но сил у него было мало. Раз попросил устриц и вина. В другой вдруг припомнил глобули: он их любил. В Фундах у отца, на вилле бабки Тибериевой, простое это лакомство было в хо-

ду, для Тиберия и пеклось. Для Тиберия и брата его, Друза. Про глобули помнил Тиберий. Про Друза, про отца и бабку. Про Фрасилла забыл. И было в этом нечто знаменательное: тиран уходил! Он приближался к тем, кто был мертв, и все менее был привязан к живым…

- Дня два, не больше, - отвечал вопрошаемый Калигулой и Макроном Харикл.

- Не больше того. Он очень ослаб. Там, где сломано ребро, там плещется жидкость в груди. Одышка усилилась. Биение крови неравномерно. Лихорадка. И годы, годы…

С этого момента возле постели императора дежурили постоянно Калигула и Макрон. Другие ими не допускались. Харикл и слуги входили сюда по необходимости. И еще: в кубикулуме при атрии, в маленькой комнатке, жил тот, кто прозывался Тенью.

Калигула знал это. Знал это и Макрон. По уговору общему делали вид, что не видят и не слышат. Прятали глаза друг от друга. Разве принято замечать тень? Спрятаться в ней, защищаясь от зноя, это да, пожалуй. Но замечать ее, говорить о ней…

Император слабел, уходил, и его Тень теряла спасительную сень. Могла возродиться, конечно, только это уж после того, как новый принцепс, как солнце, рассветет и заблещет…

На закате второго дня пребывания в Мизенах умер Тиберий в первый раз.

Задохнулся старик кашлем, затрясся весь. Кровь от лица отлила, губы посинели, похватал воздух ртом, похватал. Глаза выпучены, весь в испарине. Вот так-то посидел, посидел, да и опрокинулся навзничь, подышал еще, затих. Макрон выбежал из атрия, сказал громко, не весело и не грустно, не торжественно, но просто:

- Принцепс умер!

Народ, которого немало было во дворе и перистиле, заликовал было. Послышались приветственные крики:

- Калигула! Калигула! Гай Юлий Цезарь! Здравия принцепсу!

Вышедшему из атриума Калигуле странно было это слышать. Так бывает: долго ждешь. Бредешь, спотыкаясь, в грязи, меряешь шаги на ветру, мокнешь под дождем, снова идешь под солнцем, в нестерпимой жаре. Идешь к тому, что считаешь вершиной жизни. Долгожданная цель достигнута. А радости нет. Опустошен, оглушен, растерян. А радости нет, ну нет ее, словно растаяла. Прилечь бы где-нибудь тут, рядом с Тиберием. И понять ее, радость: куда ушла-убежала?!

А люди не дадут. Кричат все. Наперебой кричат, спешат поздравить. Кто-то даже по плечу хлопает одобрительно. Императора! Государя своего! Тоже еще ничего не поняли…

В море ликования утонул голос Харикла. Тот все еще был со своим больным; сражался с посланником Плутона не на жизнь, а на смерть…

Ноги Тиберия опустил Харикл в воду, горячую. Императора посадили и держали в сидячем положении, на горе подушек. Харикл пустил ему кровь. Когда одышка уменьшилась, дали больному настой маковых семян….

И через некоторое время лекарь вышел к толпе, что совсем уж Калигулу затискала, сказал:

- Жив, жив принцепс. Не знаю, надолго ли, но жив.

Не сразу услышали его. Ведь не кричал лекарь. Сказал, в общем-то, Калигуле, да не сразу и получилось: как рассек толпу, как отодвинул одного, другого…

Дошел до Калигулы, несмотря на протесты тех, кто вокруг теснился, и сказал. Удовлетворенно так, с чувством выполненного долга. А так оно и было: кто, как не он, свершил почти чудо?

Калигула, все еще не успев обрадоваться, огорчился сразу и явно. Новость обрушилась на него, как внезапно обрушивается в горах лавина на путника, волна на пловца в море.Не услышали бы Харикла, когда б лицо Калигулы не рассмотрели. А лекарь продолжал:

- Я распорядился не давать ему много жидкого. Соленого и острого тоже. Почему меня не слышат? Никакого вина, ничего лишнего. Дойду до поваров, еще раз. Еще раз скажу. И мне надо отдохнуть немного, устал. Император спит. И я посплю, пожалуй. Проснется, зовите.Повернулся лекарь, чтоб идти. Приготовился снова толпу раздвигать. А ее и нет, нет никакой толпы. Припомнилось лекарю, как солнышко

утренний туман рассеивает. Упадут горячие лучи на завесу из капель, как и не бывало ее.

К воскресшему Тиберию не несли ноги. Все, кто мог сбежать, бежали. Еще бы: в разноголосице, возникшей после мнимой его смерти, император мог разобрать и отдельные голоса. А то, что радостными они были, что не горевал никто, это точно, в доказательстве не нуждается. Все мог слышать, а может и расслышать, злопамятный старик. И припомнит обязательно…

На цыпочках пробрались в кубикулум из большого атрия Калигула и Макрон. Удалил Макрон знаком слугу, стоявшего у ложа. Сами постережем, мол, драгоценный сон императора. Понадобится кто, вызовем.

Раб повиновался беспрекословно. Мало кто осмеливался в эти дни возражать Макрону. Один только Калигула, ну, и Харикл. Один по праву родства императору, другой, видимо, духовного превосходства. И один, и второй раздражали Макрона. Чувствовалось, что хочется предводителю преторианцев и этих последних смести с пути. Пока не выходило, но это пока…

Стояли вдвоем у ложа императора Макрон и Калигула. Искали в чертах спящего или пребывающего в забытьи Тиберия следы смерти. Находили. Едва теплилась жизнь. Мгновения уходили за мгновением, складываясь в часы. Но император жил. Под утро пришел в себя. Едва слышно, но довольно внятно сказал:

- Дайте поесть. Лекарь, дурень, голодом морит. Глобули дайте! сладкого как хочется…

Переглянулись Макрон с Калигулой. Что там уж прочел преторианец в глазах наследника, кто знает. Махнул на Калигулу рукой. Подошел быстрым шагом к изголовью, сгреб рукой одеяло, одно из вороха тех, которыми буквально закидали мерзнущего старика слуги.Скрипнула дверь за спиной Калигулы, встал на пороге Тень…

- Может, и время уж, - прошептал он наследнику. - Но я бы подождал. Ждать осталось недолго…

Калигула застыл, не отвечая. Макрон прижал одеяло к лицу старика, держал, пока не прекратились содрогания тела, не остановились руки, скребущие ложе.

Отбросил одеяло. Потер свои руки, уставшие от работы. Недолгая была работа, да утомила. Не каждый день такое.

- Все, - сказал потом Макрон, обернувшись к Калигуле. - Теперь все. Так ты помни. Это я тебе дал, как и другое. Я тебе все дал, что мог. Теперь ты. Так ты помни, не забывай…

Природа, как известно, не терпит пустоты. Она созидательница и разрушительница. Она - мать, но она же и убийца. У нее умирает один, рождается другой. И при этом ей совершенно не важно, кто сменяет друг друга. Даже у власти в Риме. Что ей Рим?

Сменяют друг друга народы и государства, тянется нить жизни издалека, не рвется, довольно и этого.

Только как же не счесть это злою шуткой природы? Умер

один тиран. В том же году родился другой. Разрешилась благополучно от бремени Агриппина, сестра Калигулы, в том самом году. В том же Анции, где когда-то родился Гай, в декабре. И привела на свет нового Луция Домиция Агенобарба. Впрочем, история помнит его под другим именем. Звали его Нерон Клавдий Цезарь Август Германик.

Еще короче и объемней: Нерон!

[1] Одинец - старый кабан, крупный и злой, который отбивается от косяка и бродит один.

[2] Из пряностей римская кухня использовала «laser», смолу с чесночным вкусом и едким запахом, которая добывалась из корня ферулы, а позднее (это растение исчезло по неизвестным причинам уже в I веке н.э.) - из растения «asa foetida», которое и сегодня используют на Востоке, а также нард, сумах дубильный, соссюрею и миртовые ягоды.

[3]Гарум (также лат. liquamen) - рыбный соус в древнеримской кухне, популярный среди всех сословий Рима. Согласно поваренной книге Апиция I века н. э., гарум входил в состав большинства рецептов. Соус приготавливался методом ферментации мелкой рыбы, которую иначе приходилось бы выбрасывать. Из-за сильного специфического запаха приготовление гарума в городах было запрещено. Готовый соус запечатывался в маленькие глиняные сосуды и в таком

виде поставлялся в римские провинции. В некоторых регионах гарум полностью заменял поварам соль.

[4] Глобули (лат. globuli, уменьшительное от лат. Globus, шар) - шарики из теста, поджаренные в оливковом масле, политые медом и обсыпанные семенами мака.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.